

Воспоминания о мастере

"Меня травили все это время"

Прошло шесть лет, как не стало великого кинорежиссера

Веч. клуб. - 1992. - 26 дек. - с. 6

ДЛЯ МЕНЯ он навсегда останется Андреем: школьные годы неистребимы. Какое-то небольшое время мы даже вместе сидели за одной партой. Это были голодные и одновременно веселые годы. Все мы тогда были шалопаями, но вот странно — единственное стихотворение, которое мы написали с Андреем вместе (строчку он, строчку я, для баловства), звучит сегодня удручающе серьезно. Неужели предчувствовали, что

Проходят дни густой
лиловой тенью,
Летят на крыльях звонкой
тишины...

После школы мы встречались с Андреем эпизодически: «Ну как у тебя?», «А ты как?». В начале лета 1970 года произошла почти официальная встреча: я пришел к известному режиссеру, чтобы взять у него интервью для «Советской культуры» по поводу готовящихся съемок фильма «Солярис». В большой комнате его старой квартиры (в переулке за проспектом Мира) на потолке зияла дыра. Андрей сидел за массивным письменным столом и не очень охотно отвечал на мои вопросы. Весь стол был усеян лепестками увядших роз, и Андрей методично разбирал и разглаживал их в своих пальцах...

Последняя встреча состоялась 28 марта 1981 года. Он был очень худ. На щеках и на шее кожа собралась в старческие складки. Жесткая щеточка усов. Глаза темные, быстрые, пронзительные. Такая же походка, стремительная и молодая. Беседа продолжалась шесть часов и была теплой, откровенной. Тогда же я записал ее «в стол» и когда-нибудь опубликую полностью — это действительно интересно. Андрей излагал свои взгляды порывисто, нервно и даже несколько, как мне показалось, зло.

— Мне смешно, когда мне говорят, что я — элитарный режиссер. Искусство вообще по своей природе элитарно, оно — удел избранных. Это определенные вершины духа, которые возвышаются над нами, а внизу — низины, равнины, поля... Искусство требует понимания, ответной работы мысли, напряженного сотворчества, иначе его невозможно понять.

— Искусство никого и ничему не учит, — продолжал говорить Тарковский в тот памятный вечер. — Оно не передает опыта. В противном случае человечество, научившись на горьких страницах истории, никогда не повторило бы роковых ошибок предыдущих поколений. И это было бы ужасно! Нет, каждое поколение видит мир как бы заново, воспринимая и осваивая его по-своему. У каждого поколения должен

быть свой Гоголь и свой Достоевский... Искусство не имеет прикладного характера. Оно показывает человека со стороны, заставляет его попристальной взглянуть на себя, задуматься, понять то, что он есть и что с ним происходит. Искусство зовет человека на какую-то высшую ступеньку идеального совершенства. Без этого нет искусства... Искусство должно давать человеку надежду даже в том случае, если разрушает все вокруг...

Через несколько дней я позвонил Андрею и поздравил его с 49-летием. Пожелал побольше роз и поменьше терний на творческом пути. Он вяло поблагодарил. Голос был надломленный, обесиленный, сначала я даже не узнал его.

— Плохо себя чувствуешь?

— Да, неважно.

Я посетовал на жизнь, что вот-де только поговорили о Юрии Трифонове, а его уже нет, — все проклятая «селяви».

— Да, «селяви» какая-то уж не такая, — печально сказал Андрей.

Еще несколько раз я говорил с ним по телефону, в частности, позвонил в надежде через него попасть на кинофестиваль.

— Фестиваль будет? А я и не знал, — сказал Андрей. Ему тогда, видно, было уже не до фестивальной показухи. Госкино во всю душило художника...

Из письма Андрея Тарковского отцу — поэту Арсению Тарковскому:

«...Может быть, ты не подчитывал, но ведь я из двадцати с лишним лет работы в советском кино — около 17 был безнадежно безработным. Госкино не хотело, чтобы я работал! Меня травили все это время, и последней каплей был скандал в Канне... где было сделано все, чтобы я не получил премии (я получил их целых три) за фильм «Ностальгия»... Когда у меня был 50-летний юбилей, не было не только выставки, не было даже объявления и поздравления в нашем кинематографическом журнале, что дела-

ется всегда и с каждым членом Союза кинематографистов. Но даже эта мелочь — причин десятки — и все они унижительны для меня...». Письмо написано в Риме 16 сентября 1983 года.

В Италии Андрей Тарковский снял фильм «Ностальгия» и в Россию уже не вернулся. Раз уехал, решили Госкино и курировавшие его органы на Старой площади, значит, не наш! Не советский! И не о чем тут и говорить. Как по команде замолкли газеты и журналы: ни слова о Тарковском. С экрана исчезли все его картины: даже к Дням Победы перестали показывать «Иваново детство» — один из самых ярких фильмов на военную тему. Зловещая тишина окружила имя Тарковского. Его как бы вычеркнули из истории советского кинематографа.

Правда, оставалось еще мировое кино, оно бережно поддерживало звезду Тарковского. Его как бы вычеркнули из истории советского кинематографа. Правда, оставалось еще мировое кино, оно бережно поддерживало звезду Тарковского. Его как бы вычеркнули из истории советского кинематографа.

Жил Андрей сначала в Риме, потом в Париже. Судя по радиоголосам (в те годы информация шла исключительно от Би-би-си, «Свободы» и от других зарубежных радиостанций), никаких политических заявлений

он не делал. От родины не отрекался. Систему не ругал. Единственно что — неслестно отзывался о руководителях Госкино. Шла длительная и изнурительная борьба за родственников (сына и тещу), чтобы они получили возможность выехать на Запад, в это жуткое «туда».

Волк не может нарушить традиций.

Видно, в детстве —
слепые щенки —
Мы, волчата, сосали
волчицу

И всосали: «Нельзя за флажки», — надрылся на этот счет Владимир Высоцкий.

Итак, разделенная семья... Старая практика: иметь кого-нибудь в качестве заложника. Она была еще отработана на Анне Ахматовой. Надежда Мандельштам в своих мемуарах отмечает, что на Ахматову действовали, держа сына Леву (Льва Гумилева) у себя в качестве заложника. Если бы не это, замечает Надежда Яковлевна, так называемые «положительные» стихи никогда бы не появились на свет Божий...

Так поступили и с Андреем Тарковским. Все было сделано, чтобы усугубить его болезнь.

Слух о смерти Тарковского стал распространяться где-то с лета 1986 года, но он был ложным. Неизбежное произошло позднее.

30 декабря я случайно услышал радио Франции, и из обзора парижской прессы стало ясно, что Тарковского больше нет. Говоря о Тарковском, отмечали «метафизические и мистические поиски» режиссера. Кто-то сказал, что «Тарковский жил со смертью в душе», что он «так и не смог приспособиться как к Западу, так и к Востоку... будучи ни диссидентом, ни изгнанником, он жил с чувством ущербного человека...».

Господи, это они так считают. А наши? Переключил приемник на «Маяк» и что же? Передавали некролог о скончавшемся в Лондоне 93-летнем «последнем викторианце» Гарольде Макмиллане — я даже охнул от не-

годования. При чем тут Макмиллан? Можно подумать, что вклад в русскую культуру, в мировую кинематографию внес не Андрей Тарковский, а бывший британский премьер-министр...

Конечно, молчание наших средств массовой информации было понятно: ситуация щекотливая, чиновникам от искусства весьма трудно определить, кто же такой в конце концов Тарковский: наш человек или не наш. Наверное, ездили «наверх» консультироваться. Прикидывали. Соображали. Но, учитывая опыт с Владимиром Высоцким, решили: Тарковского Западу не отдадим. Снова возьмем и впишем в историю советского кинематографа.

В итоге 31 декабря 1986 года по «Маяку» передали некролог, а 1 января он появился в «Советской культуре» — официальное извещение от Союза кинематографистов и Госкино СССР. Он был назван «Памяти Андрея Тарковского». В нем были такие фарисейские слова: «Последние годы — трудное, кризисное для него время — А. Тарковский жил и работал за пределами Родины, о чем приходилось думать с горечью и сожалением. С этим невозможно было ни согласиться, ни примириться...».

5 января 1987 года из Парижа пришла тассовка: «Сегодня на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем состоялись похороны советского кинорежиссера Андрея Тарковского...».

Возложите на Вечное время венки,
В этом вечном огне мы сгорели.

Из жасмина, из белой сирени
на огонь возложите венки, —

писал другой Андрей — Вознесенский.

Потрясенный потерей, я сразу записал на память: «Пройдет время, — я в этом уверен, — пойдут ретроспективы фильмов Андрея Тарковского, появятся монографии о его творчестве, напишут даже толстые книги. Все будет. Я верю. Еще ярче засветится имя его. Не будет только одного: живого Андрея...».

Так оно и вышло. Появились даже воспоминания тех киноначальников, в частности Филиппа Ермаша, которые самым губительным образом повлияли на творческую судьбу Андрея Тарковского. Бог им судья. Кто помнит сейчас этих функционеров кино? А вот имя Андрея Тарковского знает почти каждый. «Все исчезает, — говорил Осип Мандельштам. — Остается пространство, звезды и певец».

Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.

На снимке: Андрей в школьные годы.

117